

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

Украина, Одесса.
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова.
Кафедра философии естественных факультетов.
Доктор философских наук, Профессор.

Ukraine, Odessa.
Odessa National University, in memory of I. I. Mechnikov.
Department of Philosophy, Faculty of Natural Sciences.
PhD in Philosophy, Professor.

doaod1@gmail.com

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗА ЧУЖОГО

В статье рассматривается природа формирования образа Чужого в культуре. Автор раскрывает значимость исследования амбивалентных характеристик образа Чужого в исследованиях исторических форм конфигураций обжитого пространства. Описаны феномены амбивалентности тела и «мерцающей» амбивалентности.

Ключевые слова: Чужой, образ Чужого, амбивалентность

Ambivalence as Characteristic of Alien's Image

The nature of Alien's Image in culture has been determined in article. Author reveals the significance of ambivalent characteristics of Alien's Image in the investigations of historical forms of mastered spaces of life. The phenomena of human body's ambivalence and "twinkling" ambivalence appear described in text.

Key words: Alien, Alien's Image, ambivalence

Образы своего и чужого, приемлемого и отторгаемого, близкого и далёкого создают ткань нашей повседневной жизни. На интуитивном уровне мы легко разделяем Своё и то, что от него отличается. Однако, взглянув внимательно на комплекс феноменов, которые мы не хотим причислять к Своему, мы окажемся перед целой палитрой разнообразных образов, вызывающих страх, ненависть, притяжение, непонимание, завороженность незнакомым... Всё ли, что не кажется нам Своим, можно обозначить как Чужое? В данном тексте предлагается рассмотреть одну из характеристик образа Чужого, которую мы считаем определяющей, — амбивалентность. Мы попытаемся продемонстрировать, что именно по признаку наличия амбивалентных характеристик мы можем безошибочно отличать Чужое от Другого или Отторгаемого (что не всегда однозначно), а также указать на возможности социально-философского исследования, открывающиеся в контексте выяснения амбивалентных характеристик того или иного феномена.

Многообразие подходов к модной со второй половины XX века проблеме Чужого требует изначально оговорить, что будет пониматься под Чужим в данном тексте. Данный текст опирается на феноменологическую традицию исследования социального пространства (в первую очередь, М. Хайдеггера

и А. Шюца), а в понимании Чужого мы следуем направлению, намеченному представителем современной немецкой феноменологии Б. Вальденфельсом.

Мы позволим себе остановиться на проблеме сущности феномена Чужого, механике конструирования образа Чужого, а затем пояснить, почему амбивалентность является неотъемлемой характеристикой образа Чужого, и как этот вывод можно использовать в гуманитарном исследовании (историческом, философском, культурологическом). Данный текст не претендует на целостность и законченность. Наша задача — указать на возможные варианты использования амбивалентных характеристик того или иного феномена в изучении исторических вариантов конфигураций обжитого мира. Мы намеренно работали с материалами относительно отдалённых эпох, чтобы обыденность современного восприятия не «замыливала» нашего взгляда.

Суть феномена Чужого

Феномен Чужого (как и большинство феноменов, становящихся объектом философского интереса) ускользает от определения. Понятие Чужого многозначно — в обыденной речи мы можем обозначать им как нечто, пришедшее из далёких земель,

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

так и то, что не подходит нам в нашем собственном мире. В гуманитарных исследованиях мы найдём несколько терминов, которыми описывается, в общем, одно и то же. Это и другое, и чужое, и иное, и инаковое, и не-своё и т. д. Ещё можно встретить обозначения уровней чуждости — структурно-чужое, радикально-чужое... При этом область не-своего, отличающегося от своего вовсе не однородна. Невозможно под одно понятие подвести и то, что незнакомо нам в нашем привычном освоенном мире, и то, что существует вообще в другой системе координат и не побуждает нас даже к попытке интерпретации — настолько это непонятно. Конечно, мы здесь не открываем Америку — проблема дифференциации феноменов, существующих вне нашего интимно-освоенного мира, ощущается большинством теоретиков, которые так или иначе сталкиваются с проблемой инаковости (а как эта проблема знакома переводчикам философской литературы!). Поэтому всякий разговор о Чужом логично начинать с обозначения того, о чём именно пойдёт речь. Попытаемся описать суть феномена Чужого через анализ представления о Собственном пространстве.

В представлении о пространстве Своего автор этих строк опирается, в первую очередь, на традицию феноменологического видения обжитого мира (М. Хайдеггер, А. Шюц). Картина обжитого мира, складывающаяся как совокупная система отсылок (М. Хайдеггер) позволяет действовать в нём автоматически. Способ повседневного существования, как удачно заметил Ойген Финк, можно назвать «прохождением мимо». Таким образом, освоенный мир — это то, чего мы «не замечаем». Мир начинает фиксировать наше внимание только тогда, когда привычные схемы ориентации в мире не срабатывают. Мир, ранее бывший «пригодным для...», *отказывается* служить. Как замечал М. Хайдеггер, вещь становится собственно *присутствующей* в момент обнаружения своей дефектности¹.

В тот момент, когда Свой, освоенный мир оказывается в какой-то своей точке дефектным, фиксирующим наш взгляд, мы и сталкиваемся с Чужим. На наш взгляд, наиболее удачными в этом контексте являются разработки сущности феномена Чужого, которые мы находим в работах Б. Вальденфельса. Именно на описание Чужого как интенционального сбоя мы ориентируемся в изучении данного феномена. Эта оговорка необходима, ибо сам Б. Вальденфельс в разных работах приводит целый спектр обозначений Чужого, которые нам представляются избыточными.

Б. Вальденфельс определяет ситуацию явления Чужого как *претерпевание* и раскрывает смысл этого явления описанием ситуации ранения. Физическое воздействие насильственно определяет меня к вниманию², выводит из автоматического существования повседневности. Особенностью ситуации претерпевания Вальденфельс считает то, что смысл здесь погрязает в реальном воздействии — здесь мы не нацелены на нечто, что идет нам навстречу, что вызывает нашу инициативу и одновременно дожидается нашего ответа. Скорее, действительность перебивает нашу речь, она овладевает нами. Мешающее или ранящее пресекает наши интенции в их свершении³. В ситуа-

ции интенционального сбоя человек оказывается в ситуации пассивного претерпевания — поведение стопорится, приостанавливается и, в крайнем случае, прекращается⁴.

С контексте сказанного можно заметить, что Чужое является самым моментом сбоя. Оно *являет себя* в отказе обжитого мира быть «пригодным для...». Чужое в контексте нашего исследования — это не вещь, находящаяся где-то вне границ нашего привычного мира. Это ситуация интенционального сбоя. Отсутствие сбоя, отсутствие ситуации «нахождения во власти» означает отсутствие встречи с чужим. Мы можем встретить и инопланетянина, но, не испытав сбоя наших интенций, не сможем утверждать, что встретили Чужое.

Настаивая на определении Чужого как ситуации, а не «вещи», мы с необходимостью должны дать пояснения, что же присутствует в поле культуры в виде представлений о Чужом. Ведь мы не находимся в постоянном стопорении, когда встречаемся с очень непонятными вещами, пусть они в первый момент вызвали именно «сбой». Чужое пробивает привычную ткань бытия моментом пассивности, но человек возвращается в истолкованное пространство, преодолевая сбой истолкованием. Чужое живёт в культуре в виде Образа, истолкованного в категориях данной культуры. Истолкование лишает Чужое его жала.

Амбивалентность вне-порядкового

Истолкование оказывается той процедурой, которая излечит обжитой мир. Нам необходимо истолковать Чужое, чтобы мир вновь оказался пригодным для существования. Мы истолковываем намерение, истолковываем природу явления, мы создаём образ того, что поставило нас в ситуацию «нахождения во власти». Образ этот оказывается предельно далёк от сущности явления, перебившего наши интенции в их свершении, Чужое оказывается «убито» в интерпретации (пользуясь словами Ж. Деррида). Делаю акцент на этих, в общем, очевидных вещах для того, чтобы не оставалось сомнений в том, что предметом рассмотрения в данном тексте является не то, что вызвало интенциональный сбой, а конструкт, создаваемый в границах конкретной культуры в процессе «самолечения» последней.

Характеристики вот этого конструкта, который можно обозначить как Образ Чужого, и будут анализироваться в данном тексте. Оговоримся, что дальше по тексту термин «чужое» будет использоваться только в значении Образа Чужого для краткости. Далее мы касаемся не самой ситуации Чужого, но тех конструктов, которые создают культуры в процессе оформления картины обжитого и не-своего миров.

Характеристики Образа Чужого по определению не должны уместиться в границах описаний мира «нормального», своего. Если представить пространство картины мира в виде прямой, то мы сможем отметить на ней более или менее широкое пространство нормы, в обе стороны от которой «выстрелят» векторы вне-нормального. Отрезок нормы — именно отрезок, не точка — предполагает определённый разброс значений от предельно хорошего до предельно плохого, допустимого в данном пространстве. То, что за пределом — вне-нормально. Если мы обращаем внимание на такой принцип наполнения про-

¹ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск: Водолей, 1998. — С. 196.

² Вальденфельс Б. Мотив Чужого. — Минск.: ПроPILEI, 1999. С. 46.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 56.

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

странства нормы, нетрудно будет увидеть, что векторы вне-нормального исходят как из точки предела позитивного, так и из точки предела негативного. Вне-нормальное оказывается как сверх-позитивным, так и сверх-негативным. В области вне-нормального или Чужого, таким образом, оказывается одновременно и уродство, и преступление, и героизм, и святость. Чужое не может быть чисто негативным, так и чисто позитивным. Именно в силу своей сущности вне-нормального Образ Чужого оказывается неизбежно амбивалентным.

Амбивалентность образа Чужого — свойство, неотделимое от представлений о Чужом, в какие бы эпохи эти представления не возникали. Присутствие элементов амбивалентности в образе некоего объекта оказывается своеобразной лакмусовой бумажкой, указывающей на присутствие Чужого. Этот момент представляется значимым, ибо вовсе не всегда наличие элементов образа Чужого (особенно в исторических вариантах картины обжитого пространства) «ловится» современными схемами интерпретации. Именно это заставляет обратить на амбивалентные характеристики образа Чужого особое внимание.

Амбивалентность Чужого уже становилась предметом философского обсуждения. Так, Бернхард Вальденфельс в «Топографии Чужого» обращает внимание на это фундаментальное свойство, хотя и вскользь: «Опыт Чужого... с самого начала обнаруживает свою амбивалентность; он одновременно предстаёт привлекательным и угрожающим... Он угрожающ, поскольку Чужое конкурирует со Своим, угрожает подчинить его; привлекательным — потому что Чужое актуализирует возможности, которые в той или иной мере являются исключёнными порядками собственной жизни»⁵. Значимым представляется замечание немецкого феноменолога по поводу совмещения интереса и ужаса от присутствия Чужого. «Без этих возможностей ужаснуться опыт Чужого деградирует до той безопасной экзотики, которая измеряет Где-То ценами на самолёт и охотно заключила бы договор о страховании от чуждости»⁶.

В контексте понимания амбивалентности характеристик Чужого нельзя не вспомнить также размышления Поля Рикёра о природе единства, символика которого имеет и демоническую сторону. Полярная структура единства объединяется силой Желания, конфигурирующего одновременно бесконечно желанное и его противоположность — бесконечно отвратительное⁷. Оба варианта бесконечного выходят далеко за пределы нормального. Поэтому гипертрофированные формы как бесконечно желанного, так и бесконечно отвратительного оказываются вынесенными в то пространство, которое схема обжитого мира отводит под Чужое. Напомним в этой связи разного рода геополитические построения (начиная с античных), в которых собственное пространство воспринимается не как идеальное, но как максимально приближенное к гармонии в своей упорядоченности.

В качестве примера позволим себе привести известное описание германцев в сочинениях Тацита — при всём своём вар-

варстве, отталкивающим римлянина, они оказываются средоточием высоких моральных качеств, честности, благородства, готовности к самопожертвованию. Анализ амбивалентных характеристик чужих земель (виденных и невиданных) уже осуществлялся автором этих строк как в монографии «Чужое, Другое, Отторгаемое как элементы обжитого пространства», поэтому здесь мы не будем подробно останавливаться на данном моменте. Мы анализировали средневековые рассказы о далёких землях, зафиксировав амбивалентные характеристики не только в сочинениях фантастических (к примеру, в рассказах о Царстве Пресвитера Иоанна), но и в хрониках крестовых походов, создававшихся очевидцами (в частности, в хронике Робера де Клари). Символическим «экстремумом» амбивалентности образов чужих земель служит то, что мореплаватели на краю земли находят как вход в земной рай, так и в ад. Чужие земли оказываются пространством чудес и ужасов, обиталищем монстров (в земле пресвитера Иоанна, к примеру, живёт народ настолько страшный, что его представители даже не будут подниматься на Страшный Суд) и праведников, невиданных в нашем пространстве (в тех же землях пресвитера Иоанна живут гимнософисты, столь совершенные, что имеют даже физически иную природу — не болеют и живут немислимо долго). Не стоит думать, что только средневековый человек мыслит чужое пространство амбивалентным — позволим себе сослаться, скажем, на исследование М. А. Евдокимовой образа Германии в сознании русского студента первой четверти XIX в.⁸ Германия рисуется точно так же амбивалентно — это царство разума, идеальное место для получения образования, но одновременно пространство, достойное презрения и ненависти. Образ, созданный фантазией русских студентов, очень напоминает описание Константинополя и византийцев в хронике Робера де Клари. Примеров можно привести множество, в данном случае мы фиксируем общие моменты в формировании образа Чужого.

Хотелось бы также напомнить наблюдение Ю. М. Лотмана: в русской культуре человек, совершивший паломничество, воспринимался с подозрением — и как носитель неизвестного другим опыта, и как потенциальный источник опасности. Двойственность внешнего мира порождала внутреннюю противоречивость контакта с ним⁹.

Конфигурации обжитого пространства в контексте проблемы амбивалентности

Выявление амбивалентных характеристик образа Чужого открывает дополнительные возможности для изучения конфигураций обжитого пространства в контексте категорий Своего, Чужого, Отторгаемого, Терпимого. Мы уже описывали это ранее, поэтому в данном тексте позволим себе указать лишь на некоторые выводы, значимые, на наш взгляд, для исследова-

⁵ Вальденфельс Б. Топография Чужого: студії до феноменології Чужого. — Київ: ППС-2002, 2004. С. 35.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Рикёр П. Время и рассказ. — Т. 1: Интрига и исторический рассказ. — М.-СПб: Университетская книга, 1998. С. 27.

⁸ Евдокимова М. А. Образ немецкого народа как фактор формирования национального самосознания русских студентов первой четверти XIX века // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2005. — М.: Изд-во ЭКОН-ИНФОРМ, 2006. С. 86–105.

⁹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. — СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 226.

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

ний исторических форм представлений о мире. То, что человек другой эпохи видит мир иначе, чем мы — это аксиома. Но прощая фиксация этого «иначе» не устраивает исследователя. Проходя герменевтические круги описания отдалённой от нас во времени картины мира, мы отказываемся от предпонимания и открываем некие невидимые ранее аспекты её (картины мира) организации. В описании чужих земель продуктивным оказывается выявление смысловых узлов картины мира. Обнаруживая, скажем, описания соотношения свободы и рабства у других народов, мы выясняем значимость категории свободы для жизненного мира автора-грека. Рассказ о добродетелях и дикости германцев у Тацита обнаруживает болевые точки восприятия собственного мира у гордого римлянина. Это достаточно очевидный способ приращения знания о культуре за счет её оптики Чужого. Однако фиксация амбивалентных характеристик у того или иного феномена может подвести исследователя к обнаружению границ между Своим и Чужим в тех местах, где современный взгляд никак не ожидает их увидеть. Самым неожиданным путешествием по амбивалентным феноменам для автора этих строк оказалось прикосновение к средневековому восприятию тела.

Казалось бы, нет ничего более «своего» в этом мире, чем тело. Однако в средневековом восприятии тело обнаруживает амбивалентные характеристики. Амбивалентно нагое и — в ещё большей степени! — мёртвое тело.

Нагое тело могло быть воспринято в средние века не просто как нечто неприличное в публичной жизни, но как признак ереси. Отошлём читателя, в частности, к исследованию Юлии Арнаутовой, обращающейся к сюжету из «Истории франков» Григория Турского, в котором рассказывается о шутовских процессиях оголённых посланников некоего жителя Буржа, который возмнил себя Христом¹⁰. Подобную связь ереси и оголённости видим в хронике Салимбене де Адама (XIII в.) — ересиарх Сегарелли, принимая новичков в свой орден, раздевается сам и заставляет раздеться донага своих сторонников¹¹. Однако можно указать множество примеров раздевания из добродетели — так, Св. Франциск, воспринимавший обнажённость как символ бедности, однажды вместе с братом Руфином проповедовал с кафедры в Ассизи голый¹². Петр Дамианский бичевался голым¹³. А подвиг легендарной леди Годивы как раз и заключался в том, чтобы обнажённой проехать по улицам города. Нагими бродят по лесам безумцы средневековых легенд и миракул¹⁴. Но одновременно нагота и сакральна. Напомним уже упомянутых нагих мудрецов — гимнософистов из царства Пресвитера Иоанна¹⁵. Подобно первым людям до грехопадения или Ремедиос Прекрасной из «Ста лет одиночества» им не нуж-

на одежда — они не знают стыда, ибо не знают греха. Средневековый человек вовсе не был стыдлив, однако обнажение с определённой целью (демонстрация добродетели, например) вызывало оценочную реакцию.

В этом контексте стоит вспомнить и убеждение в охранительной силе наготы. По народным поверьям, призраки бесильны против голых людей. Обнажив срамные места, можно спугнуть колдуна, ведьму или чёрта. Голое тело защищает от нападения злых сил — лучшим средством от ночных кошмаров признаётся раздевание догола¹⁶.

Ещё более показательна амбивалентность мёртвого тела. Не будем здесь перечислять обычаи сохранять, скажем, волосы и ногти умершего, чтобы он не забрал с собой удачу (эти процедуры подробно описывает Э. Ле Руа Ладюри в «Монтайю»). В то же время мёртвый воспринимался и как источник опасности. Поэтому возникают охранные ритуалы против возвращения покойников. Одним из ярких примеров амбивалентности мёртвого тела была убеждённость в том, что, обвязав живот роженицы верёвкой, на которой повесили преступника, можно облегчить роды. Мёртвый оказывался пребывающими в двух мирах одновременно, соответственно, мог вызвать силы, в этом мире неизвестные¹⁷. Мёртвые имели собственное место в обжитом пространстве средних веков (с ними можно было продолжать общаться)¹⁸, даже заключать договоры.

Тело, обнаруживая амбивалентные характеристики тела, мы понимаем, что обжитый мир средневекового человека был «перфорирован» Чужим — оно просвечивало в любой точке пространства, делая самого человека существом эквивокальным (в том смысле, в котором использует этот термин Светлана Неретина). Исследователь, работающий с понятием Чужого в категориях географической или конфессиональной личности, просто не сможет выйти на обнаружение подобного варианта присутствия Чужого в исследуемой им картине мира. Открывающиеся перед исследователем возможности в определении явления как Чужого заставляют достаточно внимательно отнестись к признаку амбивалентности.

Амбивалентность возникающая и исчезающая

Некоторые феномены могут временами обнаруживать амбивалентные характеристики, а временами их утрачивать. Изучая исторические картины мира, стоит внимательно присматриваться к появлению и исчезновению амбивалентных характеристик. Приведём только один пример подобных трансформаций. Анализируя распределение социальных феноменов в пространстве терпимости-нетерпимости Англии XVII в., автор этих строк обратила внимание на интересный аспект. Такой традиционный для средневековья объект терпимости как иудеи неожиданно обретает амбивалентные характеристики. Не имея возможности вдаваться здесь в подробности развития ситуации, заметим, что в XVII в. в Англии (как и в Голландии, скажем; британский случай не уникален) наблюдается всплеск юдофилии. В иудейских текстах начинают искать неизреченную мудрость, в Оксфорд и Кембридж приглашают иудейских профессоров (первым в 1662 г. стал Исаак Абенда-

¹⁰ Арнаутова Ю. В. Колдуны и святые. Антропология болезни в средние века. — СПб: Алетейя, 2004. С. 229.

¹¹ Салимбене де Адам. Хроника / Пер. с лат. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 288.

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 331. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. — М.: Прогресс-Академия, 1992. С. 331.

¹³ Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X–XV века. — М.: Мол. гвардия, 2002. С. 210.

¹⁴ Арнаутова Ю. В. Указ. соч. С. 124.

¹⁵ Фома из Кантимпре. Книга о чудовищных людях Востока // Поедания из вымышленного царства. — СПб.: Азбука-Классика, 2004. С. 64.

¹⁶ Арнаутова Ю. В. Указ. соч. С. 228–229.

¹⁷ Там же. С. 47–48.

¹⁸ Там же. С. 86.

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

на — важно, что это был именно «профессиональный иудей», а не просто этнический еврей, принявший крещение), прилагаются колоссальные усилия по переводу Мишны, издаются иудейские альманахи и т. д.¹⁹. Одновременно прокатывается волна громких антииудейских судебных процессов, приговоры по которым оказываются оправдательными, но решения выполняются со скрипом и под нажимом короля²⁰. До «погромных» форм антисемитизма в Англии XVII в. не доходило, однако иудеи вызвали значительно более острые реакции, чем это было как раньше, так и веком позже. Дело даже не в том, что после длительного периода изгнания (с 1290 г.) иудеи в XVII в. восстановили общину в Лондоне — то есть воспринимались как внезапно появившееся инородное звено и, таким образом, раздражали обывателя. Иудеи из Англии не исчезали, а крещеные евреи умудрялись даже занимать серьезные позиции в государстве. Так, ещё в 1484 г. выходец из португальской иудейской общины Эдвард Бремpton (Sir Edward Brampton, урожденный Duarte Brandro) был возведен в рыцарское достоинство Ричардом III. При Кромвеле была восстановлена община и констатирован факт, что не существует закона, который запрещал бы евреям возвращаться в Англию. Но это не внезапное нашествие неизвестного народа, который естественным образом воспринимается как чужой. В XVII в. иудей начинает восприниматься как источник неизвестной в нашем мире мудрости, и одновременно как источник большей, чем в прежние века, опасности. Обе позиции являются вне-порядковыми, характеризуют феномен, принадлежащий к пространству «вне нормы», вне Своего. Увлеченность иудейской мудростью быстро ушла в прошлое. По словам Дэвида Каца, в XVIII в. интенция поиска скрытых истин в иудейских текстах пошла на спад, иврит занял место одного из древних языков, а увлечение чтением иудейских текстов начала вызывать ироничные реакции — «если слишком много читать раввинов, сам станешь похож на раввина»²¹. Иудей из носителя эзотерических знаний превратился в рядовой элемент интеллектуального «интерьера». Из Чужого он превратился в понятный и истолкованный элемент обжитого пространства.

Откуда этот всплеск амбивалентности? Возможно, это одно из проявлений общей перестройки европейской картины мира начала Нового времени. Того, что Мишель Фуко назвал временем «великого заточения» — колоссального перераспределения границ социального мира, когда, по сути, исчезает иерархия терпимости и в пространство «вне нормы» вбрасывается всё, что по тому или иному признаку не вписывается в границы нормального. Происходит своего рода «дефрагментация» картины мира, когда каждый её элемент выпадает из автоматических схем восприятия и фиксирует взгляд на себе, провоцирует «интенциональный сбой». Когда картина складывается по новой схеме, все элементы занимают свои места, и человек начинает ориентироваться в них автоматич-

чески. Интенциональный сбой уходит, то, что описывалось в амбивалентных характеристиках, приобретает некий более или менее «ровный» оттенок.

Таким образом, один и тот же феномен может менять место в картине обжитого мира, переходить, скажем, из области терпимого в область Чужого и обратно. Иудеи вместе с женщинами лёгкого поведения были классическим объектом терпимости в средние века²². Предваряя возражение по поводу средневековой нетерпимости, заметим, что в данном случае мы обращаемся к средневековому понятию терпимости — терпеть меньшее зло ради предотвращения большего. Таким образом, и иудеи, и проститутки мыслятся как зло, против которого периодически выплёскивается агрессия, однако то зло, которое можно терпеть. В том же XVII в., когда иудеи приобретают амбивалентные черты, выходя на некоторое время в «сектор» Чужого, публичные женщины на краткий момент попадают в область абсолютного отторжения, чтобы вскоре занять привычное, хотя и иначе описанное и истолкованное место в пространстве терпимости. Обращая внимание на тенденции перераспределения феноменов по пространствам Чужого, Терпимого, Отторгаемого, мы получаем дополнительные, никак иначе не обнаруживаемые данные о переопределениях конфигураций обжитого мира. Относительную кратковременность обретения амбивалентных характеристик не стоит воспринимать как случайный признак, которым можно пренебречь в процессе выяснения общей эволюционной линии развития статуса феномена в культуре.

Феномен может на время приобретать черты Чужого, а потом терять их, не будучи «ответственен» за изменения. Меняется мир, в который феномен погружен. Меняется его образ. Обнаруживая характеристики Чужого у некоего феномена, который не появился в данном пространстве внезапно, т.е. не может быть чужим в чистом виде, мы получаем уникальную возможность прикоснуться к ядру понимания Своего, оценить остроту момента перестройки, «дефрагментации» жизненного мира. Появление амбивалентных характеристик даём нам возможность обнаружить перевод феномена в поле Чужого. Повторимся — автор этих строк обратилась к эффекту «мерцающей» амбивалентности совсем недавно, проанализировав её только на одном примере. Однако нам представляется продуктивным продвигаться в этом направлении дальше.

Подводя итоги сказанному, можно заметить, что распределение явлений по пространствам Своего и Чужого в метафорической топографии освоенного мира базируется на ясном понимании основных характеристик явлений, задействованных в построении картины мира. Чужое, понимаемое как Вне-Порядковое, обладает рядом признаков, среди которых только ему присущим является признак амбивалентности.

Так как норма представляет собой определенную «полосу» понятного, приемлемого, то всё, выходящее за пределы этой полосы (как в сторону дурного, так и в сторону доброго), оказывается включено в характеристики образа Чужого. Вне нормы

¹⁹ Katz D. S. The Abendana Brothers and the Christian Hebraism of Seventeenth-Century England // *Journal of Ecclesiastical History*. — 40 (1989). P. 28–52.

²⁰ Katz D. S. The Jews of England and 1688 // *From Persecution to Toleration. The Glorious Revolution and Religion in England*. Ed. by O. P. Grell, J. I. Israel, N. Tyacke. — Clarendon Press, Oxford, 1991. P. 217–249.

²¹ Katz D. S. The Abendana Brothers... P. 51.

²² Bejczy I. Tolerantia: A Medieval Concept // *Journal of the History of Ideas*. — July 1997. — Volume 58, Number 3. P. 365–384.

ДОВГОПОЛОВА Оксана Андреевна / Oksana DOVGOPOLOVA

| Амбивалентность как характеристика образа чужого |

находятся как отпетые злодеи, так и святые — таким образом, в образе Чужого сплетаются черты вне-нормально страшного и вне-нормально прекрасного.

В исследованиях исторических конфигураций своего-чужого именно наличие амбивалентных характеристик оказывается иногда единственным признаком, позволяющим отнести феномен к пространству Чужого. Современное мышление накладывает свой отпечаток на наше видение исторических картин мира, в которых границы между Своим и Чужим могут оказаться совсем не там, где мы их предполагаем увидеть. Так, рассмотрение амбивалентных характеристик тела в средневековой картине мира позволяет подойти ближе к топографии жизненного мира этой эпохи, предположить другой способ сопряжения Своего и Чужого, чем, скажем, в новоевропейской картине мира. «Географический» водораздел Своего-Чужого, свойственный современному взгляду, не присущ средневековому видению. Средневековому соотношению Своего-Чужого присуща определённая чересполосица и «эквивокальность». Исследование амбивалентных характеристик различных эле-

ментов конфигурации обжитого мира позволяет нам преодолеть предпонимание, неизбежно присущее анахроничному взгляду (каковым является взгляд современного исследователя на ушедшую эпоху).

Обращаясь к феномену появляющейся и исчезающей амбивалентности, мы обнаруживаем особый ракурс видения переходных эпох. «Перезагрузка» картины мира неизбежно заставляет каждый элемент картины мира выпасть из старой системы и быть увиденным в ситуации «интенционального сбоя». И то, какие именно элементы приобрели амбивалентные характеристики, позволяет разделить пространства Своего и вне-порядкового, Чужого.

Данный текст намечает общие контуры возможностей использования признаков амбивалентности как «лакмусовой бумаги» феномена Чужого. Мы ни в коем случае не претендуем на всестороннее описание проблемы амбивалентности в описании Чужого. Нашей задачей было описание методологического приёма, который может стать значимым элементом исследований проблемы Чужого.

